

ЭЛИДЮК

ОТ АВТОРА

Поначалу я думал дать этому сборнику рассказов¹ название “Вариации”, имея в виду вариации как на некоторые темы прежних моих книг, так и в отношении разных способов повествования, — хотя я терпеть не могу ставить в неудобное положение читателей, незнакомых с другими моими сочинениями или неспособных, положив руку на сердце, назвать разницу между *recit*² и *discours*³. Впрочем, и им тревожиться не о чем. Единственная причина, по которой я отбросил это рабочее название, состояла в том, что первые профессиональные читатели, знакомые с моими книгами, не увидели ни единого основания для названия “Вариации” ... помимо личного миража, возникшего в сознании автора. Я посчитался с их мнением и, если не считать настоящего упоминания о ней, сохранил эту иллюзию для внутреннего употребления.

Впрочем, название “Башня из черного дерева” это тоже своего рода вариация, хоть и более бесхитростная; источник же настроения этой книги, а отчасти и ее тем, и композиции, теперь уже настолько далек от меня и забылся так основательно — хоть я и имею причины считать таковым историю литературы, — что мне захотелось воспроизвести некий его фрагмент. К тому же неразгаданная тайна, как знает любой агностик и любой романист, являет собою мрачное доказательство окончательного увиливания от творческой ответственности. На совести моей лежит мертвая ласка; а еще глубже — мертвая женщина.

Изучая в Оксфорде французскую литературу, я читал все без разбору, причем скорее от невежества, чем от большого ума. О настоящих моих вкусах я имел представления более чем отдаленные, ибо принял на веру широко распространенный в ту пору миф, что будто бы одни лишь преподаватели обладают правом на личные пристрастия. Нынешним студентам я такой подход не порекомендовал бы, но одна выгодная сторона у него все же имеется. В конечном итоге у меня на строго прагматической основе сформировались мои собственные “нравится” и “не нравится”; я также научился ценить то, что мне не удавалось забыть в течение многих лет. Одним из таких упрямых долгожителей был “Le Grand Meaulnes” Ален-Фурнье⁴. Немалое число молодых диссертантов говорят мне теперь, что не видят сколько-нибудь значительных параллелей между “Le Grand Meaulnes” и моим “Магом”⁵. Должно быть, я перерезал пуповину — истинная связь между этими книгами требует именно такой метафоры — гораздо аккуратнее, чем мне казалось в то время; а может быть, нынешняя ученая критика просто слепа в отношении связей в гораздо большей мере эмоциональных, нежели структурных.

Притяжение Анри Фурнье я ощущал с самого начала. Иное дело — другая часть учебной программы. Старофранцузский язык с его латинизмами, непостижимой орфографией и богатством диалектических форм, возможно, и способен зачаровать

¹ “Элидюк” входит в сборник рассказов Фаулза “Башня из черного дерева”. (Здесь и далее примечания переводчика.)

² Рассказ, повествование (фр.) .

³ Речь, вступление (фр.) .

⁴ “Скиталец” (фр.) . Ален-Фурнье — псевдоним Henri-Alban Fournier (родился в 1886 году, пропал без вести 22 сентября 1914 года под Верденом). Фаулз называет его как Ален-Фурнье, так и Анри Фурнье.

⁵ У нас этот роман издан под названием “Волхв”.

лингвиста, но того, кто стремится понять суть читаемого, эти сложности попросту раздражают. Тем не менее впоследствии мне пришлось обнаружить, что одна область старо-французской литературы отказывается погружаться в реку забвения, чего я от души желал всей этой литературе с того самого дня, как сдал выпускные экзамены. Эта область — правильнее будет назвать ее дремучим лесом — кельтский рыцарский цикл.

Удивительные изменения, происшедшие в европейской культуре под влиянием образного мира бриттов — в изначальном, кельтском значении этого слова, — никому, подозреваю, так и не удалось ни полностью проследить, ни в полной мере себе представить. Мания рыцарства, куртуазной любви, мистического, порождающего крестовые походы христианства, синдром Камелота, — все это нам известно, быть может, даже слишком, судя по пародийным снижениям, которые выпали в недавнее время на долю этого последнего средоточия древнего знания. Я, однако, считаю, что мы также обязаны тому странному вторжению северян в средневековое сознание — по крайней мере в отношении эмоциональном и образном — самими нашими представлениями о беллетристике, о романе и обо всех их отпрысках. Можно снисходительно посмеиваться над наивностью и примитивностью приемов таких повестей, как “Элидук”, но не думаю, что писатели могут делать это с чистой совестью, — и по очень простой причине: читая такие произведения, они присутствуют при собственном рождении.

В биографическом отношении о Марии Французской не известно практически ничего. Даже имя это представляет собой плод дедукции, осуществленной спустя много лет после ее смерти и основанной на строке из одной ее повести: “*Marie ai pip, si suis de France*”. Мое имя Мари, а родом я из... Наверняка неизвестно даже, подразумевала ли она под Францией то же, что мы сегодня. Скорее всего нет, и имела она в виду лишь близкие к Парижу земли — Иль-де-Франс. Существуют также шаткие лингвистические и кое-какие иные основания для утверждения, что она могла происходить из той части Нормандии, которая называлась Вексен и граничила с Парижским бассейном.

В некоем году она попала в Англию, возможно, состоя при дворе Алиеноры Аквитанской, а возможно, присоединившись к нему. Королем, которому она посвятила свои “*Lais*”, или повести о любви, мог быть муж Алиеноры, Генрих II, губитель Бекета; существует даже предположение, что Мария приходилась Генриху незаконнорожденной сестрой. У отца его, Готфрида Плантагенета⁶, была побочная дочь, носившая то же имя и ставшая около 1180 года аббатисой Шефтсбери. Далек не все средневековые аббатисы вели святую, благочестивую жизнь, к тому же мы можем почти с уверенностью утверждать, что любовные романы были сочинены Марией десятилетием раньше. То обстоятельство, что два других ее уцелевших сочинения являются религиозными и определенно созданы после 1180 года, говорит в пользу такой идентификации. Если Мария Французская действительно является внебрачным отпрыском представителя Анжуйской династии и стала впоследствии аббатисой Шефтсбери, то родилась она скорее всего раньше 1150 года, а нам известно, что аббатиса эта прожила до 1216-го.

Трудно представить, чтобы “*Lais*” были написаны кем-то иным, кроме высокообразованной (а стало быть — в том веке — высокородной) молодой женщины; с другой стороны, не составляет труда догадаться, что женщина эта была романтична и весела; о быстром же и громком успехе ее сочинений свидетельствует

⁶ Готфрид Красивый, граф Анжуйский (1113–1151), прозванный Плантагенетом из-за обыкновения украшать свой шлем веткой дрока (*planta-genista*) и ставший родоначальником династии Плантагенетов, правившей Англией с 1154 по 1399 год.

обилие современных ей переводов и ссылок на ее произведения; кое-кто, пожалуй, мог бы считать ее одной из первых жертв мужского шовинизма, которая была сослана в Шефтсбери во исправление неблагочестивого нрава. Существуют надежные свидетельства того, что Церковь ее повестей не одобряла. Почти сразу за тем, как “Lais” увидели свет, некий джентльмен по имени Дени Пирамус — монах, но, по всему судя, прирожденный литературный критик — с кислым сарказмом писал о ее популярности. Он понимал, отчего ее произведения до-ставляли аристократической аудитории столь сомнительное удовольствие: аудитория эта находила в них то, что сама желала бы испытать.

Своими “Lais” Мария определенно пыталась спасти от забвения некоторые предания кельтов — широко распространенные фольклорные легенды, именуемые учеными “matiere de Bretagne”⁷, — ныне из них известны главным образом легенды Артуровского цикла да история Тристана и Изольды. Услышала ли она их впервые во Франции или в Британии, неизвестно, поскольку собственное ее определение их происхождения, “breton”, в то время использовалось бриттскими кельтами в смысле расовом, а не географическом: такое обозначение могло относиться и к Уэльсу, и к Корнуоллу, и к самой Бретани. О том, как далеко забредали кельтские менестрели еще задолго до рождения Марии, существуют письменные свидетельства, так что она могла слышать их при любом большом дворе.

Но куда важнее этих квазиархеологических изысканий превращение, происшедшее, когда Мария привнесла в старинные легенды то, что сама она знала о мире. В сущности говоря, она ввела в европейскую литературу элемент совершенно новый. Не самую малую его часть составляло честное описание любви между полами и очень женское понимание того, как на самом деле ведут себя нормальные люди, плюс способы представления этого поведения и проблем морали посредством таких приемов, как передача диалогов и описание поступков, совершаемых персонажами. Для своих последователей Мария сделала примерно то же, что Джейн Остин для своих: установила новый стандарт точности в изображении человеческих чувств и глупостей. Можно сказать, что сходство между этими двумя является еще более тесным, поскольку общая основа всех повестей Марии (то, что сама она назвала бы “desmesure”, крайностью страстей) удивительным образом роднится с тем, какими видятся разум и чувство позднейшей из двух романисток. Еще одну общую их черту нам теперь уловить довольно сложно — я говорю об их юморе. Из-за того, что события, о которых повествует Мария, столь далеки от нас, мы склонны забывать, что и от ее двенадцатого столетия они далеки не менее, и потому мы сильно недооцениваем умудренность самой Марии и ее слушателей, воображая, будто они внимали ее повестям с серьезными лицами, истово веруя каждому слову. С таким же успехом можно ожидать, что и мы станем принимать на веру наши триллеры, вестерны и фантастические саги.

Иронию Марии трудно теперь уловить и еще по одной, сугубо исторической причине. Ее “Lais” не предназначались для уединенного чтения, к тому же то была не проза. В оригинале они представляли собой рифмованные восьмистопные двустишия, которые полагалось петь скорее всего на одну или несколько избираемых самим исполнителем мелодий, сопровождая пение мимической игрой, а то и просто проговаривать под аккорды и арпеджио. Инструментом, по-видимому, служила арфа и, несомненно, бретонская ее разновидность — “rote”. Романтики необратимо оглушили слово “менестрель”, однако те немногие свидетельства, которыми мы располагаем, позволяют думать, что артисты эти практиковали великое, безвозвратно утраченное нами искусство. Для писателей, подобных Марии

⁷ Бретонские предания (фр.) .

Французской, видеть один только напечатанный текст было все равно что судить о фильме лишь по сценарию. Долгая эволюция литературы как раз и связана с поисками средств для передачи “голоса автора” — его юмора, его частных мнений, его внутреннего мира — посредством одних лишь манипуляций со словом и печатным текстом, но все происходившее прежде Гутенберга погрузилось для нас во тьму. Приведу лишь один маленький пример из повести, которую вам предстоит прочесть. Мария дважды самым формальным образом описывает, как ее герой навещает своенравную принцессу, в которую он влюблен, — он не ломится в ее покои, но велит доложить о себе, как того требуют приличия. Кто-то может сказать, что Мария просто “доливает воды” в свой рассказ, прибегая к традиционному описанию куртуазного этикета. Я же считаю, что перед нами — сжатая ремарка “в сторону” первых ее слушателей, — если то, что нам известно о Генрихе II, правда, а в жилах Марии действительно текла та же кровь, что и у него, я, пожалуй, рискнул бы высказать предположение насчет того, кому предназначалась эта маленькая колкость.

Я попытался передать в моем переводе, основанном на хранящемся в Британском музее тексте в редакции Альфреда Юэрта⁸, хотя бы следы этой живой устной ноты. И теперь мне остается только напомнить читателям о трех существовавших в реальности системах, на фоне которых разворачивается эта повесть со всеми ее анахронизмами. Это, прежде всего, система феодальная, в которой жизненно важную роль играли клятвенные обещания, коими обменивались вассал и его господин. От представления о том, что человеку должно быть таким же верным, как и его слово, зависела не только структура власти, от этого зависела вся тогдашняя цивилизованная жизнь. Это сегодня мы в случае нарушения договора можем обратиться в суд, — тогда же оставалось только хвататься за оружие. Второй контекст — христианство, столь сильно сказывающееся в окончании “Элидюка”, но и только в нем. Сердце человека Марию, вне всяких сомнений, интересовало куда больше, чем его бессмертная душа. Третьей системой является куртуазная любовь, с ее не менее основательной опорой на соблюдение верности, но уже в любовных отношениях. В двадцатом столетии эта идея, пожалуй, несколько вышла из моды, и тем не менее “*amour courtois*” представляла собой отчаянную и совершенно необходимую попытку привить чуть больше культуры (чуть больше женской разумности) жестокому обществу, вся цивилизованность которого зиждилась на договорах и символах обоюдного доверия. В эпоху, когда становится возможным Уотергейтский *desmesure* — трагедия, на мой взгляд, скорее в сфере культуры, чем политики, — подобное выглядит не столь уж и непонятным.

Я собираюсь сколь можно полнее пересказать вам древнюю кельтскую повесть или, по крайности, то, что сам я сумел в ней понять.

⁸ Должен поблагодарить доктора Никласа Манна из Пемброук-колледжа, Оксфорд, за помощь в работе над несколькими особо трудными строками. (Примечание автора.)

Некогда жил в Бретани рыцарь по имени Элидюк. Он был образцом для подобных ему, одним из храбрейших людей в тех краях, и жена его, происходившая из знатного и влиятельного рода, отличалась замечательной ученостью и не меньшей преданностью мужу. Они счастливо прожили несколько лет, ибо супружество их основывалось на любви и доверии. Но затем случилась война, и Элидюк покинул жену ради ратных подвигов. Тогда-то и полюбил он некую девицу, несказанно прекрасную принцессу по имени Гиллиадун. Кельтское имя оставшейся дома жены было Гильдельюк, а потому и вся эта повесть называется “Гиллиадун и Гильдельюк” — по их именам. Поначалу именовалась она “Элидюк”, но затем название изменили, ибо на самом деле речь в ней идет о двух женщинах. Теперь я расскажу, как именно все произошло между ними.

Сюзереном Элидюка был король Бретани, очень любивший своего рыцаря и всячески старавшийся соблюсти его интересы. Элидюк служил ему верой и правдой, так что король, покидая свои владения, всякий раз оставлял их на попечение Элидюка, который надежно хранил оные от врагов своей доблестью. За это получал он многие милости. Ему дозволялось охотиться в королевских лесах, и никакой лесничий, даже самый отчаянный, не смел заступить ему дорогу или принести на него жалобу. Однако зависть людская к удаче этого рыцаря сделала свое черное дело. Элидюка оговорили и оклеветали, и отношения его с королем изменились. В конце концов, его, не называя причин, отставили от двора. Элидюк, пребывая в недоумении, вновь и вновь просил дозволения оправдаться перед королем, ибо все наветы были лживыми, он же верой и правдой служил своему государю и был тем счастлив. Но двор ни единого раза не ответил ему. Убедившись, что никто его слушать не станет, он решил удалиться в изгнание. Итак, он направился домой и созвал всех своих друзей. Он рассказал им, как сложилось у него с королем, рассказал о возгоревшемся против него королевском гневе. Элидюк ведь никогда не щадил сил своих на королевской службе, и оттого негодование короля было несправедливым. Когда пахари слышат ругань, исходящую из уст их господина, они вспоминают поговорку: “Не верь любви великого человека”. Люди разумные, попав в положение Элидюка, более полагаются на любовь и дружбу соседей. Итак, рыцарь говорит⁹, что устал от Бретани, что переправится за море, в Англию, и там постарается найти утешение. Жену же он оставит дома, и пусть слуги его и друзья заботятся о ней.

Сказано — сделано. Сам рыцарь и десять всадников, коих взял он с собою, снарядились, как должно, в дорогу. Тяжко было друзьям расставаться с ним, что до жены его... первую часть пути она провожала мужа, вся в слезах оттого, что теряет его. Однако рыцарь торжественно поклялся, что останется верным ей. Затем он прощается и скачет напрямик к морю. Там он всходит на корабль, благополучно пересекает море и прибывает в гавань Тотнес.

В той части Англии было тогда несколько королей, и все они сражались друг с другом. Невдалеке от Эксетера жил могущественный старый властитель. Наследника у него не имелось, одна только незамужняя дочь. Из-за нее-то и разгорелась война, ибо старик не пожелал отдать руку ее равному ему по положению королю из другой династии, и король тот предал огню и мечу все его земли. В конце концов он осадил старика в одном из укрепленных городов¹⁰. И никому не доставало отваги выйти за стены и сразиться с захватчиком — единолично или сообща. Прознав обо всем этом, Элидюк решил, что, раз уж идет здесь война, то он, чем ехать дальше, останется в этих местах. Он надумал помочь осажденному королю, положение коего все

⁹ Внезапные переключения повествования на настоящее время (как это обычно делается в диалоге) заимствованы из оригинала. (*Здесь и далее примечания автора.*)

¹⁰ В тексте стоит слово “замок”, однако ясно, что подразумевается Эксетер, в ту пору обнесенный стеною город. Мария не могла не знать о его значении во времена западных саксов и о том, как Вильгельм Завоеватель осаждал его в 1068-м. Саксы отняли Восточный Девон и Эксетер у кельтов во второй половине VII века, так что источник, которым пользовалась Мария при написании “Элидюка”, должен относиться к временам более ранним. К слову, гавань Тотнес в *matiere de Bretagne* упоминается довольно часто.

ухудшалось — одни только гибель и разрушение ожидали его. Элидюк решил наняться к нему на службу¹¹.

Он послал к королю вестников с письмом, в котором объяснял, что покинул родные края и пришел ему на помощь; разумеется, он весь к услугам короля, но если тот не пожелает принять его на службу, он просит лишь о безопасном проезде по его землям, дабы он, Элидюк, смог предложить свое воинское умение кому-нибудь другому. Увидев гонцов, король весьма обрадовался и принял их дружелюбно. Он призвал к себе рыцаря, начальствовавшего в крепости, и повелел ему немедленно выделить для Элидюка эскорт, который препроводил бы его в замок. Затем король подготовил для него жилые помещения, а также все необходимое для месячного пребывания в крепости.

Эскорт, вооружась, оседлал коней и отправился навстречу Элидюку. Благополучно добравшийся до города рыцарь был принят там с великими почестями. Он поселился у богатого горожанина, человека достойного и благовоспитанного, выделившего рыцарю лучшую, украшенную гобеленами комнату. На прекрасно приготовленный ужин Элидюк пригласил всех остальных рыцарей, которые находились в городе и пребывали в тревоге и беспокойстве. Он также воспретил своим людям, даже самым охочим до наживы, принимать в первые сорок дней какие бы то ни было подношения либо дары.

На третий день его пребывания в Эксетере поднялся в этом городе великий крик, ибо во всей окружавшей его местности объявились враги и уже изготовились идти на приступ городских ворот. Заслышав вопли горожан, Элидюк немедленно облачился в доспехи. То же сделали и спутники его. В городе находилось еще только четырнадцать рыцарей, способных держать оружие, прочие залечивали раны или были пленены. Увидев, как Элидюк садится на коня, они отправились по своим домам и также облачились в броню. Они не пожелали ждать, когда их позовут, они выедут из ворот вместе с ним.

— Мы поедем с тобой, сэръ рыцарь, — говорят они, — и как бы ты ни поступил, мы поступим так же.

Элидюк отвечает им:

— Благодарю. Есть ли среди вас кто-нибудь, кто знает хорошее место для засады? Теснину или любое место, мимо которого они поскачут? Если мы останемся здесь, нас ожидает хорошая битва, однако лучше иметь преимущество. Может быть, у кого-нибудь есть свой план?

— Тут есть поблизости гужевая дорога, сэръ рыцарь. Вон у того леса, что граничит с посевами льна. Награбив вдоволь добычи, они будут возвращаться этой дорогой. После таких трудов они обычно пребывают в беззаботности и довольстве, напрашиваясь на легкую смерть.

Все можно было покончить в несколько мгновений, нанеся врагу великий ущерб.

— Друзья мои, — сказал Элидюк, — бесспорно только одно. Без риска, даже если все кажется безнадежным, нельзя снискать победы ни в войне, ни в делах чести. Все вы люди короля и обязаны быть верны ему безоглядно. А потому следуйте за мной. Куда я пойду, туда идите и вы. И обещаю вам — неудачи у нас не будет, насколько то от меня зависит. Возможно, добычи нам не видать. Но ежели мы ныне побьем врага, то нас никогда не забудут.

Уверенность его передалась остальным рыцарям, и те последовали за ним к лесу. Там они спрятались близ дороги и ждали, когда враг станет возвращаться из набега. Элидюк обдумал каждую мелочь и рассказал им, как должно напасть, переведя коней в галоп, и что следует при этом кричать. Когда же враг объявился и достиг места, в котором дорога сужалась, Элидюк издал боевой клич и крикнул друзьям, чтобы хорошо сражались. Они ударили сильно, не щадя никого. Застигнутый врасплох, враг скоро забыл о сопротивлении и обратился в бегство. Стычка оказалась короткой. Они пленили предводителя тех рыцарей и многих иных, препоручив их своим оруженосцам. На стороне Элидюка сражалось двадцать пять человек, а пленили они три

¹¹ ...en soudees remaneir. Понятие *soudoyer* в применении к рыцарю, во всяком случае в рыцарском романе, имеет оттенок гораздо более благородный и почетный, чем нынешнее или даже ренессансное “наемник”. Возможно, ближайшим аналогом является японский самурай.

десять врагов. Также взяли они немало доспехов и иных ценных вещей. И вот, одержав столь славную победу, они с триумфом возвращаются в город. Король стоял в то время на башне, охваченный тревогой за участь своих рыцарей. Он горько сокрушался, ибо уверил себя, что Элидюк предал его и погубил всех его воинов.

Вернулась же в город целая толпа — кто с добычей, кто в путях; возвращавшихся было намного больше, чем ушедших, что повергло короля в недоумение, сомнение и тревогу. Он приказал замкнуть городские ворота, а людям своим велел выйти на стены, имея наготове луки и иное оружие. Но нужды в том не было никакой. Элидюк выслал вперед верховного оруженосца, дабы тот рассказал обо всем, что случилось. Человек этот поведал королю о бретонском наемнике, как он обратил в бегство целую армию и как прекрасно бился. Не встречался еще всадник, владевший оружием лучше него. Он сам захватил главу воинов и пленил двадцать девять рыцарей, не говоря уж о тех, кого поразил и ранил.

Услышав эту добрую весть, король весьма возрадовался. Он сошел с башни, и встретил Элидюка, и поблагодарил его за все совершенное, и отдал ему всех пленников, дабы Элидюк сам получил за них выкуп. Элидюк же разделил захваченные доспехи между прочими рыцарями, оставив своим людям только трех лошадей. Прочее же добро, и даже принадлежащую ему по праву добычу, он разделил между пленниками и иными людьми.

После этого подвига рыцарь стал любимцем короля. Король удерживал при себе Элидюка и людей его целый год, и Элидюк присягнул королю на верность. Так стал он защитником королевских владений.

Юная дочь короля слышала все, что говорили об Элидюке, о доблести, какую он выказал в сражениях, о том, какой он статный и гордый рыцарь, об учтивости его и щедрости. Она послала одного из своих пажей к Элидюку — просить, нет — умолять, чтобы тот явился и приятно провел с нею некоторое время. Им должно побеседовать, узнать друг друга, великая будет ей обида, если он не придет. Элидюк отвечает: он, конечно, придет, ибо сам мечтает узнать ее. Вот он садится в седло и, взяв с собою слугу, едет побеседовать с девицей. Достигнув порога ее, он посылает вперед пажа. Он не ломится в дверь, но ожидает, покуда вернется паж. Затем он с выраженьем учтивым, с искренностью в лице и с совершенством манер обращается к юной даме, благодаря ее, как то полагается, за приглашение прийти. Прекрасная красотой своей Гиллиадун берет его за руку¹² и ведет к мягкой скамье, и они, усевшись, говорят о том и об этом. Она то и дело бросает на него взгляды украдкой ... наблюдая за лицом его, за телом, за всяким его выражением ... и говорит себе, как он привлекателен, как близок к ее идеалу. Любовь пускает стрелу свою — принцесса, забыв обо всем на свете, влюбляется. Она бледнеет, она вздыхает, но не может открыться, опасаясь, что рыцарь станет ее презирать.

Элидюк оставался при ней долгое время, но, в конце концов, распрощался и покинул ее. Гиллиадун совсем не хотелось его отпускать, но что могла она сделать? Он воротился к себе печальный и весьма задумчивый. Девица смутила его чувства — она дочь короля, а он — королевский слуга. Она, казалось, робела, но словно бы и упрекала его в чем-то. Он почувствовал, что поступил неверно, так долго пробыв в этих краях и до сего дня ни разу не посетив ее. Сказав же себе это, он устыдился. Он вспомнил о жене, об обете вести себя, как подобает мужу.

¹² Знак благоволения, который высокое положение принцессы делает для нее позволительным. Как правило, средневековые кавалеры брали даму за левую руку, да и то лишь за пальцы. Даже мужчины держались за руки подобным деликатным образом — обыкновенно ходить ладонь в ладони было практически неизвестным до поры Возрождения. Это отчасти объясняет высокую эротическую ценность женской руки в эпоху Средневековья (или, наоборот, объясняется ею) и даже позже, до времен Гольбейна. Стоит упомянуть и о том, что использование прозрачных тканей в делах соблазна подтверждается другими (подчеркнуто мужскими) источниками того периода. Вообразим себе Гиллиадун (Guilliadun, Guilli — “Золотая”), одетой в соответствии с отрывком из другой повести Марии (“Lanval”): “Наряжена же она была так: белая льняная рубаша, прелестно прошнурованная с боков, так что по всей длине сверху вниз виднелась ничем более не прикрытая кожа. Фигура ее была привлекательна, талия тонка. Шея — бела, точно снег, легший на ветку, на бледном лице — яркие глаза, чарующие уста, совершенный нос, темные брови; волосы же вились и имели цвет пшеницы. На солнце они блестели ярче, чем золотые нити”.

Между тем девица, узнав Элидюка, возжелала его любви. Ни один мужчина не нравился ей прежде так, как он, — о, если бы она только могла, если бы он согласился. Всю ночь провела она в размышленьях о нем — без сна и покоя. Она поднялась на заре и, подойдя к окну, кликнула пажу. И открылась ему во всем.

— Боже милостивый! — говорит она, — в каком ужасном положении я оказалась, в какой западне! Я полюбила нового нашего рыцаря, Элидюка. Того, который сражался с такою доблестью. Я не спала всю эту ночь, глаза мои не сомкнулись ни разу. О, если бы и он тоже меня полюбил, если бы выказал серьезность чувств своих! Я бы все сделала ради него. И можно надеяться, что однажды он сделается нашим королем! Я схожу по нему с ума. Он столь разумен, столь прост и учтив. Если он не полюбит меня, я умру от горя.

Услышав все ею сказанное, юный паж дал добрый совет: нечего сразу отчаиваться.

— Госпожа, если вы любите его, дайте ему знать об этом. Пошлите ему пояс или ленту, перстень, наконец, — и посмотрите, понравится ли это ему? Если он с радостью примет ваш дар и будет счастлив слышать каждое ваше слово, переданное ему, — тогда все в порядке. Он вас любит. И покажите мне того императора, который не заплашет от радости, уверясь в благосклонности вашей.

Но девица совету его не вняла.

— Как же с помощью одного только дара узнать, вправду ли он желает меня? Ты не понимаешь. Благородный муж обязан принять подарок, нравится ему даритель или не нравится. Такие поступки всякий воспринимает с благосклонностью. А что, если он просто посмеется надо мной? Ведь тогда я возненавижу его. Но ты, быть может, что-нибудь поймешь по лицу его. Поторопись же. Ступай.

— Я готов.

— Возьми золотой перстень. И вот еще, отдай ему мой пояс. И передавая ему мой привет, говори слова самые теплые.

Едва успел паж уйти, как она уже готова была его воротить. Однако она не сделала этого — и сразу впала в неистовство, выговаривая себе:

“О Боже! Я влюбилась в этого чужестранца! А я даже не знаю, из хорошего ли он рода. А что, если он вдруг исчезнет? Тогда я останусь в отчаянном положении. Не безумна ли я, так явно открываясь ему? Я даже ни разу с ним не говорила до вчерашнего дня, а теперь отдаюсь ему на милость. Я думаю, он станет меня презирать. Но нет, если он достойный человек, он полюбит меня за это. Теперь все в руках Божиих. Если я ему совсем безразлична, какой же я окажусь душой! Пока я жива, не будет мне счастья!”

Тем временем, пока она так терзалась, паж скакал во весь опор. Отыскав Элидюка, он пересказал ему наедине приветствия от своей госпожи, как она о том просила. А затем передал перстень и пояс. Рыцарь поблагодарил отрока, надел перстень на палец и застегнул на себе пояс¹³. Однако пажу он ничего не сказал и ни о чем не спросил его — только отдал ему взамен собственный перстень и собственный пояс. Но их паж не принял и воротился к своей молодой госпоже. Найдя принцессу в ее покоях, он передал ответный привет Элидюка и его благодарность.

— Молю тебя, не скрывай от меня правды! Истинно ли он любит меня?

— Я думаю да. Обманывать тебя он не стал бы. Мне кажется, за внешней учтивостью скрывается пронизательность, и к тому же он умеет таить свои чувства. Я передал ему привет от тебя и отдал дары. Он надел пояс и постарался сделать это как полагается. Так же, как и перстень на палец. И больше я ничего ему не сказал. И он мне тоже.

— Но понял ли он значение этих даров? Потому что, если он не понял, я погибла!

¹³ Распространенный в Средние века пояс состоял из звеньев и имел на одном конце крючок. Свободный конец застегнутого пояса свисал сбоку. В музее Виктории и Альберта имеется превосходный образец XIV века — пояс, изготовленный из тернового дерева для некой бретонской дамы.

— Говоря по чести, не знаю. Однако, если ты хочешь знать мое истинное мнение, раз он не стал воротить нос от твоих даров, значит, ты ему... ну, не ненавистна.

— Не дерзи мне, наглый мальчишка! Я и без тебя это знаю. Или я успела обидеть его? Разве только слишком сильной любовью к нему? Если же он презирает меня, он достоин смерти. Пока я не поговорю с ним еще раз, ничего больше между нами не будет. Ни через тебя, ни через кого-либо иного. Я сама покажу ему, как терзает меня любовь. Мне только бы знать, как долго он останется здесь.

— Госпожа, король заключил с ним договор сроком на год. Не довольно ли этого, чтобы показать ему ваши чувства?

Узнав, что Элидюк уедет еще не скоро, Гиллиадун пришла в восторг: о, сколь это прекрасно, что он остается! Она не могла знать о мучениях, которые претерпевал Элидюк с того мгновения, как только увидел ее. Судьба нанесла ему коварный и жестокий удар, ибо, покидая дом, он обещал жене, что никогда не взглянет на другую женщину. Ныне же сердце его было как бы в тисках. Он желал сохранить верность. Но мог ли он скрыть от себя, что его поразила безнадежная страсть к Гиллиадун, к ее красоте? Снова видеть ее, и говорить с ней, и целовать, и сжимать в объятиях... И все же он не мог обнаружить перед ней свою страсть, ибо страсть эта была бы для него позором — и оттого, что он нарушил бы обет, данный жене, и по причине его положения при короле. Ему казалось, что он разрывается надвое, и вот он садится на коня, ибо довольно уже разглагольствовать попусту. Он созывает друзей и направляется в замок, дабы поговорить с королем. Если выпадет удача, он увидит девицу — вот отчего он так спешит.

Король только что встал из-за стола и прошел в комнату своей дочери, и теперь он играет в шахматы с неким заморским рыцарем. Дочери, сидевшей по другую сторону доски, надлежало показывать гостю ходы. Вошел Элидюк. Король ласково приветствовал его и усадил рядом с собой. Дочери же он сказал:

— Милая, тебе следует познакомиться с этим кавалером. И оказать ему всевозможные почести. Ибо лучшего рыцаря нет в наших краях.

Дочери приятно было услышать от отца подобный приказ. Она встает и зовет Элидюка, дабы тот сел с нею подальше от всех остальных. Любовь лишает их дара речи. Принцесса не смеет объяснить с ним, да и он страшится сказать хоть слово ... он лишь благодарит ее за присланные дары, ибо ни единый из даров никогда еще столь не восхищал его. Она говорит ему, сколь приятно ей, что он испытывает радость. А затем внезапно и быстро принимается объяснять, почему она прислала ему перстень и пояс, — потому что телом своим принадлежит ему и не способна противиться этому, ибо любит его до безумия и вся отдается на волю его. И если она не получит его, — он сам это знает, он должен знать, что это правда, — то никакой иной мужчина никогда ее не получит.

Настал черед говорить Элидюку.

— Принцесса, я счастлив, что ты любишь меня. Это великая радость. При том, что я так тебе люб, могу ли я питать к тебе иные чувства? Я никогда не забуду этого. Ты знаешь, я поклялся год служить твоему отцу и не покидать его, пока не кончится война. После того я отправлюсь домой. Если ты отпустишь меня. Я не хочу оставаться здесь.

— Элидюк, я благодарна тебе за прямоту. Ты столь честен и знаешь столь много. Задолго до того, как оставить нас, ты сам решишь, как тебе поступить со мною. Я люблю тебя и верю тебе больше, чем кому-либо иному во всем свете.

Теперь они знали, что могут довериться другу, и в тот раз ничего более не было сказано между ними.

Элидюк вернулся к себе в восторге от того, как все обернулось. Он может теперь говорить с Гиллиадун, когда захочет, и оба они безумно любят друг друга.

И вот, он безоглядно предается сражениям и вскоре пленяет самого вражеского короля и освобождает земли своего нового повелителя. Военская слава его возрастала, как и слава о его хитрости и щедрости. Что говорить, эта сторона его жизни была вполне благополучна.

Но в самое то время король Бретани прислал из-за моря трех гонцов, дабы они отыскивали Элидюка. Дома дела обернулись дурной стороной и продолжали складываться все хуже и хуже. Крепости короля оказались в осаде, земли его были преданы мечу. Горько сожалел король о том, что удалил Элидюка. Разумение его замутили злые наветы, к коим прислушался он. Король уже прогнал от двора коварную свору, очернившую Элидюка и интригами добившуюся того, что он удалился в изгнание. Ныне, в час великой нужды, король призывал Элидюка к себе, просил его о возвращении — во имя доверия, которое они питали друг к другу с тех самых пор, как рыцарь впервые торжественно признал себя королевским вассалом, звал Элидюка на помощь. Ибо положение короля было отчаянное.

Элидюк прочел полученное известие. Оно опечалило его глубоко. Он думал о Гиллиадун. Ныне он любил ее всей своей истерзанной душой, и она его тоже. Но безумия не было между ними — они не содеяли ничего недостойного, не вступили в любовную связь. Нежные ласки и разговоры, любовные дары — далее этого страстные чувства их не достигали. Принцесса держалась того намеренно, ибо питала надежды. Ей думалось, что если она верно сыграет свою партию, рыцарь будет принадлежать ей, и только ей одной.

Она не знала, что у него есть жена.

“Увы мне, — думает про себя Элидюк. — Я сбился с истинного пути. Слишком долгое время оставался я здесь. Да будет проклят тот день, когда я впервые увидел эти края. Я влюбился в нее до безумия. И она в меня тоже. Если теперь я скажу ей “прощай”, кто-то из нас умрет. И может быть, оба. Но я должен ехать, ибо того требует король Бретани, с которым я связан клятвой. Не говоря уж о том обете, который принес я жене. Нужно собраться с мыслями. Здесь мне остаться нельзя, выбора нет. Если я попытаюсь жениться на Гиллиадун, Церковь того не допустит. Куда ни повернись, везде тупик. Но Боже ты мой, никогда больше не видеть ее! Я должен открыться ей, любой ценой. Я поступлю так, как она пожелает, как она сочтет правильным. Отец ее добился почетного мира, никто больше не хочет с ним воевать. Я расскажу ему про беду короля Бретани и попрошу разрешения отбыть прежде, чем погаснет день. Я возвращаюсь к своему повелителю, как только здесь наступает мир, — таков уговор. Затем я пойду к Гиллиадун и все ей объясню. Она скажет мне о том, чего хочет, и я сделаю все, что смогу, дабы желание ее исполнилось”.

Ни минуты не медля, Элидюк отправился к королю просить разрешения на отбытие. Он рассказал ему, что происходит в Бретани, и показал письмо от тамошнего короля — призыв о помощи. Старый король читает письмо и понимает, что теряет Элидюка. Он очень опечален и расстроен. Он предлагает ему долю в своих владениях, третью часть наследства, свои сокровища, — лишь бы рыцарь не уезжал, — он сделает для него столько всего, что Элидюк навек останется ему благодарен.

Но Элидюк стоит на своем.

— При нынешнем положении, когда король мой в опасности и предпринимает столько усилий, чтобы меня отыскать, я должен прийти на помощь ему. И ничто не заставит меня остаться здесь. Но если тебе когда-нибудь снова понадобится моя служба, я с охотой вернусь — и приведу с собой многих рыцарей.

Услышав это, король поблагодарил его и, более не споря, дал согласие на отъезд. Все домашнее владение свое предоставил он в распоряжение Элидюка — золото, и серебро, и гончих, и лошадей, и превосходные ткани. Элидюк взял не больше необходимого. Затем он учтиво сообщил королю, что желал бы, если будет на то дозволение, поговорить с принцессой.

— Разрешаю с радостью, — сказал король.

Элидюк посылает вперед девицу, дабы та открыла дверь в покои Гиллиадун. Следом и он идет, чтобы побеседовать с нею. Завидев рыцаря, принцесса выкрикнула его имя и страстно приникла к нему. Они поговорили о том, что его постигло, и Элидюк коротко объяснил ей необходимость своего отъезда. Но когда он все рассказал ей, не попросив пока разрешения уехать, дать ему волю, принцесса от волнения едва не лишилась чувств. Лицо ее побелело.

Элидюк, увидев муку, которая терзает ее, и сам начинает терять рассудок. Он целует ее в губы и плачет, сострадав ей. Наконец, он обнимает ее и держит в объятиях, пока она не приходит в себя.

— Любимая моя, о Боже, выслушай — ты жизнь моя и смерть, ты все мое существование. Оттого и пришел я к тебе. Чтобы мы могли поговорить обо всем и довериться друг другу. Я должен ехать домой. Твой отец мне это позволил. Но я поступлю так, как ты пожелаешь. Что бы со мной потом ни случилось.

— Тогда, если не хочешь остаться, возьми меня с собой! Если же ты не сделаешь этого, я убью себя. Ибо никакого блага и счастья мне уже не узнать!

Нежно говорит ей Элидюк, как он любит ее, как она прекрасна.

— Я дал твоему отцу торжественный обет повиновения. Если я увезу тебя, то нарушу тем данную клятву еще до того, как истечет ее срок. Я клянусь, я обещаю тебе всем сердцем, что если сейчас ты отпустишь меня на время, но укажешь день, в который мне должно вернуться, ничто на земле не остановит меня, куда я жив и в добром здравии. Вся моя жизнь в твоих руках.

Она любила его так сильно. И она назначила последний срок, день, в который он должен вернуться и увезти ее. Они расстались в слезах и горе, обменявшись золотыми перстнями и нежными поцелуями.

Элидюк поскакал к морю. Ветер выпал им добрый, и плавание было недолгим. Когда он вернулся домой, король Бретани был вне себя от счастья, а также все родичи и друзья Элидюка и особенно жена его, оставшаяся столь же приятной и достойной мужа, что и прежде. Но Элидюк пребывал во все время замкнутым и молчаливым из-за любви, поразившей его в Англии. Ничто из того, что видел он, не утешало его, он не улыбался, — не будет он более счастлив, пока не увидит опять Гиллиадун. Суровость его сильно огорчала жену, ибо она не могла понять, в чем тут причина. Она считала виноватой себя; и все спрашивала мужа, не услышал ли он часом пересудов о том, что она недостойно вела себя, пока его не было. Коли будет на то его воля, она готова оправдать себя перед всем светом.

— Госпожа моя, никто не обвинил тебя ни в чем дурном. Но я торжественно поклялся королю той страны, в которой был, что возвращусь к нему. Он нуждается во мне великим образом. Я сказал, что отправлюсь в путь через неделю после того, как король Бретани добьется мира. Ныне же у меня очень много дел. И ничто не сможет меня порадовать, куда я не вернусь. Ибо я своих клятв не нарушаю.

И это все, что сказал он жене. Он отправился к королю Бретани и много ему помог. Король воспользовался предложенным Элидюком планом и тем спас свое королевство. Но когда приблизился срок, названный Гиллиадун, Элидюк, выступив посредником на переговорах, сделал все, чтобы заключить мир. Он принял все условия врага. И стал собираться в путь, для чего призвал к себе своих спутников — двух племянников, которых он очень любил, и одного из пажей, отрока, осведомленного обо всем и доставлявшего послания, коими обменивались Элидюк и Гиллиадун. Кроме них, только своих оруженосцев взял он с собой; больше ему никто не был нужен. Он заставил всех спутников своих поклясться, что никто ни о чем не узнает.

Не мешкая более, выходит он в море и скоро достигает Тотнеса. Наконец-то он вернулся туда, куда так стремилась душа его. Элидюк был рыцарь весьма хитроумный. В некотором отдалении от гавани он отыскал для себя постоянный двор, поскольку совсем не желал, чтобы его увидели, выследили и все узнали. Велев пажу собраться в путь, он отправил его к Гиллиадун, дабы сообщить ей о своем возвращении и о том, что он сдержал данное ей слово. Ночью, когда опустится тьма, она должна выскользнуть из города; паж проводит ее, Элидюк же выедет навстречу. Отрок, переменив обличье свое, пешком отправился в Эксетер. Хитростью отыскал он дорогу в покои принцессы, и приветствовал ее, и сообщил, что возлюбленный ее воротился. Принцессу он нашел в печали, почти лишившейся надежд; выслушав же новость, она не выдерживает и принимается плакать, а потом множество раз целует пажа. Он говорит, что ей

должно уйти с ним нынче ночью; и они проводят весь день, обдумывая малейшие подробности побега.

Когда же настала ночь, они вдвоем тихонько выбрались из города. Оба ужасно боялись, что кто-нибудь их увидит. Принцесса надела шелковое платье, тонко расшитое золотом, и короткий плащ.

На расстоянии полета стрелы от городских ворот стояла роща, окружавшая красивый сад. Элидюк, выехавший встретить принцессу, ждал у изгороди. Паж довел ее до этого места. Элидюк спешился и поцеловал ее: сколь радостно встретиться снова! Он посадил ее на коня, затем сел на своего и взялся за поводья. Они быстро доскакали до гавани Тотнеса и немедля взошли на корабль: кроме Элидюка с его людьми и возлюбленной его Гиллиадун иных пассажиров на судне не было. Ветер дул попутный, погода стояла спокойная, но когда они приблизились к побережью Бретани, поднялся шторм. Противный ветер отогнал их от гавани прочь. Затем треснула и сломалась мачта, они лишились всех парусов. В отчаянии молились они Богу, Святому Николаю и Святому Клименту, Матери Божией, дабы попросила Она Христа защитить их, не дать им погибнуть в море, но позволить добраться до суши. Взад и вперед носило их мимо берега, шторм неистовствовал. Один из моряков воскликнул:

— Что делаем мы? Господин, всему виною девица, которую ты везешь из чужих земель, из-за нее все мы потонем! Не видать нам больше земли. Дома ждет тебя добродетельная жена. Тебе же понадобилась другая женщина. Это против Бога и закона. Против приличия и веры. Так давайте швырнем ее в море и тем спасем наши шкуры!

Элидюк слышит, что кричит этот человек, и едва не сходит с ума от ярости:

— Ты, сын блудницы, изверг, крыса, — умолкни! Если ее бросят в море, ты мне за это заплатишь!

Он обнял Гиллиадун, стараясь ее успокоить. Морская болезнь ее истомила, услышанные же только что слова о том, что у возлюбленного есть дома жена, совсем сразили несчастную. Смертельно побледнев, она лишилась чувств и упала на палубу; да так и осталась лежать, бездыханная, без признаков жизни. Элидюк, сознававший, что только из-за него оказалась она здесь, искренне уверовал в ее смерть. Сердце его сжалось. Поднявшись, он набросился на того моряка и сбил его с ног веслом. Моряк рухнул на палубу, а Элидюк пинком вышиб тело его за борт, и волны его унесли. Совершив все это, Элидюк кинулся к рулю. Столь искусно правил он кораблем, не позволяя ему уклоняться в сторону, что вскоре они достигли и берега, и гавани. Войдя в нее, Элидюк велел бросить якорь и спустить на берег сходни. Гиллиадун так и лежала бездыханной, истинным олицетворением смерти. Элидюк рыдал непрестанно — единственным желанием рыцаря было умереть вместе с нею. Он испросил у своих спутников совета — куда может он отвезти ее. Элидюк не желал покидать принцессу, пока она не будет со всеми почестями и с исполнением полной заупокойной службы похоронена в освященной земле. Ибо она была королевской дочерью и это приличествовало ей. Однако спутники рыцаря пребывали в растерянности и ничего посоветовать не смогли. Пришлось Элидюку решать самому. Собственный его дом располагался невдалеке от моря, меньше чем в одном дне верхового пути. На тридцать миль вокруг землю покрывали леса. В них вот уж сорок лет жил святой отшельник, построивший для себя часовню. Элидюк нередко беседовал с ним.

Я отвезу ее туда, решил Элидюк, и похороню в часовне. А после пожертвую землю, дабы устроили там монастырь или аббатство. И пусть монахины либо святые старцы молятся за нее каждодневно, дабы смилоствовал Господь над ее душой.

Элидюк распорядился привести коней и велел людям своим сесть по седлам, а затем взял с них слово, что они никогда его не предадут. Тело Гиллиадун он уложил на своего коня, перед собою. Они поехали кратчайшим путем и вскоре углубились в лес. Наконец достигли они часовни и стали звать и стучать. Но никто им не ответил, дверь оставалась закрытой. Элидюк велел одному из своих людей перелезть через стену и впустить их внутрь. Там они нашли свежую могилу: непорочный, святой отшельник неделей раньше скончался. В печали и смятении стояли

они. Бывшие с Элидюком люди надумали вырыть могилу, в которой он смог бы навек оставить Гиллиадун, но рыцарь велел им выйти из часовни.

— Так поступить я не могу. Прежде я должен получить у знающих людей совет о том, как мне устроить здесь аббатство или монастырь, дабы возвеличить это место. Пока же положим Гиллиадун пред алтарем и оставим на попечение Божие.

Принесли ложе и быстро подготовили его для девицы; затем положили там ее и оставили, мертвую. Но когда Элидюк собрался покинуть часовню, он почувствовал, что сейчас умрет от муки. Он целовал ее глаза, ее лицо.

— Милое сердце мое, в угоду Господу никогда больше не прикоснусь я к мечу и не стану жить меж людей. Да будет проклят день, в который ты повстречала меня. Бедное, нежное создание, зачем поехала ты со мной? Никакая королева не смогла бы любить меня преданнее. И глубже. Сердце мое разрывается от тоски по тебе. В день, когда схороню тебя, я уйду в монастырь. А после стану каждый день приходить и выплакивать горе мое над твоею могилой.

Тут он отворотился от тела девицы и закрыл за собою дверь часовни.

Элидюк выслал вперед гонца, дабы тот сообщил жене о его возвращении, сказав при этом, что он очень устал и изнурился. Обрадованная новостью, жена приделалась покрасивее и вышла встретить его, нежно приветствував. Но радость ее была напрасна. Элидюк ни единого разу не улыбнулся ей, не сказал доброго слова. Никто не осмелился спросить его о причине. Таким оставался он еще дня два. Каждое утро, выслушав мессу, отправлялся в лес, в часовню, где лежала Гиллиадун... все так же не приходя в себя, бездыханная, словно неживая. Было, впрочем, нечто весьма удивившее Элидюка: цвет кожи ее почти не изменился, оставшись, как прежде, бело-розовым, принцесса лишь чуть-чуть побледнела. В великом отчаянии рыдал Элидюк и молился за ее душу. А после возвращался домой.

И вот, на третий день, когда он после мессы вышел из церкви, за ним поехал соглядатай — молодой прислужник жены, которому обещаны были лошади и оружие, коли он сможет на расстоянии последовать за своим господином и дознаться, куда тот ходит. Отрок так и сделал. Следом за Элидюком въехал он в лес, и рыцарь его не заметил. Не спуская со своего господина глаз, отрок увидел, как он вошел в часовню, и услышал его плач и жалобы. И едва Элидюк вышел, слуга поехал домой и обо всем рассказал своей госпоже — про все горестные стенания, которые испускал Элидюк в часовне. Жена же Элидюка, до того времени чувствовавшая обиду, теперь преисполнилась жалости к мужу.

— Как только сможем, отправимся в лес и найдем то место. Господин твой скоро уедет ко двору, чтобы совещаться с королем. Отшельник недавно умер. Я знаю, Элидюк очень его любил, но не настолько, чтобы так вести себя. И чтобы столь горевать.

Не сразу смогла она догадаться, в чем тут дело.

В тот же вечер Элидюк уехал, чтобы поговорить с королем Бретани. Жена его взяла с собою того слугу, и он отвел ее к часовне. Войдя вовнутрь, она увидела ложе и лежащую на нем девицу, свежую, точно юная роза. Откинув покрывало, она увидела стройное тело, тонкие руки, белые длани с длинными, нежными пальцами. И вмиг все поняла — почему у мужа такое горе написано на лице. Позвав слугу, она показала ему дивную усопшую.

— Видишь эту девицу? Она прекрасна, как драгоценный камень. Это возлюбленная моего мужа. Вот отчего он столь печален. Странно, но почему-то меня это не возмущает. Такая красивая... и умерла такой молодой. Я питаю к ней одну только жалость. И продолжаю любить мужа по-прежнему. Это общая наша трагедия.

И она расплакалась от жалости к Гиллиадун. Но едва лишь она, вся в слезах, опустилась близ смертного ложа, как из-под алтаря выскочила ласка. Слуга ударил ее палкой, дабы не бегала она по мертвому телу. Он убил ее и бросил тушку на пол алтаря. Прошло немного времени, и появился самец ласки и увидел убитую подругу. Он побегал вокруг нее и несколько раз тронул ей голову лапкой. Но как ничего не помогало, он явственно опечалился. Затем зверек вдруг выскочил из часовни и скрылся в лесной траве. Там отыскал он некий темно-красный

цветок, зубами перегрыз его стебель, а после торопливо вернулся назад и вложил цветок в зубы убитой слугою ласки. И та мгновенно ожила. Увидев все это, жена Элидюка крикнула слуге:

— Поймай ее! Брось в нее палку! Не дай убежать!

Отрок метнул дубинку и попал в ласку. Цветок выпал из ее зубов. Жена Элидюка подошла и подобрала его и, вернувшись к ложу, вложила красный цветок в рот Гиллиадун. Секунду-другую все оставалось, как прежде, но вскоре девица пошевелилась, вздохнула и открыла глаза.

— Боже милостивый, — пробормотала она, — как же долго я спала!

Услышав слова ее, жена рыцаря возблагодарила небеса. А затем спросила у Гиллиадун, кто она.

— Госпожа, я из Британии, дочь тамошнего короля. Я без памяти полюбила одного поступившего к нам на службу отважного рыцаря по имени Элидюк и бежала с ним. Он же оказался человеком бесчестным и обманул меня. У него все это время была жена. Он никогда не рассказывал мне о ней, даже не намекнул ни разу. Когда же я услышала правду, то от страданий лишилась чувств. И тогда он жестокосердно покинул меня беспомощной здесь, в чужой стране. Он обманул меня, и я не ведаю, что со мной теперь станет. Безумна та женщина, которая доверится мужчине!

— Милая, — отвечала жена, — он был безутешен, могу тебя в том уверить. Он считает, что ты мертва, он едва не сошел с ума от горя. Что ни день он приходит сюда взглянуть на тебя. Но, по всему судя, ты за все это время так в себя и не приходила. Я — настоящая жена его, и я питаю к нему великую жалость. Он был столь несчастен... Я хотела узнать, где он пропадает, приказала за ним проследить и так нашла тебя. И вот, ныне я рада, что ты все же не умерла. Я возьму тебя с собой. И возвращу ему. И скажу перед целым светом, что винить его не в чем. А потом постригусь в монахини.

Она говорила так ласково, что Гиллиадун последовала за ней. Жена велела слуге изготовиться в путь и ехать за Элидюком. Тот поскакал во всю мочь и вскоре нагнал своего господина. После почтительного приветствия отрок рассказал ему обо всем. Элидюк, не дожидаясь друзей, прыгает в седло. В ту же ночь он был уже дома и нашел там возвращенную к жизни Гиллиадун. Он нежно благодарит жену, он на седьмом небе от счастья, никогда не знал он такого блаженства. Он целует Гиллиадун и не может остановиться; и она, смущаясь, отвечает ему. Им не по силам утаить радость встречи. Увидев, как обстоят дела, жена Элидюка рассказала мужу о своем замысле. Она попросила у него официально отпустить ее, ибо она желает стать монахиней и служить Господу. Пусть он выделит ей немного своей земли, чтобы она заложила на ней аббатство. А после того он должен будет жениться на девице, которую столь любит, ибо и недостойно, и неправильно, да и против закона — жить с двумя женами сразу. Элидюк не стал с нею спорить, но сделал все по слову ее и дал ей землю.

В той же лежавшей вокруг замка лесистой стране, что скрывала часовню отшельника, Элидюк возвел и иные постройки для женского монастыря. Затем он пожертвовал монастырю многие земли со всем, что на них, и прочее имущество. Когда же все было готово, жена его приняла постриг вместе с тридцатью другими монахинями. Так основала она святой орден, и так началась для нее новая жизнь.

Элидюк женился на Гиллиадун. Свадьбу праздновали весьма пышно и торжественно, и они долго еще прожили вместе в совершенном любовном согласии. Они обильно жертвовали и совершили множество добрых дел — так много, что в конце концов и сами обрели настоящую веру. После долгих бесед с женою и размышлений Элидюк построил по другую сторону замка церковь и передал ей все свое богатство и большую часть земель. Слугам своим и иным верующим наказал он служить ордену и смотреть за порядком в его строениях. Когда все было готово, он не стал боле медлить: сам он и все слуги его предаются всемогущему Богу. Гиллиадун же, которую он столь любил, Элидюк отослал к первой своей жене. Гильдельюк приняла ее как родную сестру, и оказала ей великие почести, и стала учить ее служению Господу и жизни в

ордене. Обе молились за спасение души Элидюка, и он в свой черед молился за них. Он посылал гонцов, дабы узнавать, как они там живут и как утешают друг дружку. Все трое старались по-своему любить Господа и верить в Него истинной верой, и в конце концов, по милости Господней, в Коем пребывает вся истина, каждый из них скончался в спокойствии и мире.

Сказание это некогда сложили благородные кельты, дабы сохранилась память о дивном приключении, выпавшей на долю этих троих. Да не забудутся они никогда!

Перевод с английского Юрия Ильина.